Цигвинцева Галина Леонтьевна

МОДЕЛИ РЕЛИГИОЗНОГО МИРОВОСПРИЯТИЯ КАК ФАКТОР ОБЩЕСТВЕННО-ПРАВОВОГО УКЛАДА НАРОДА И ЕГО САМОСОЗНАНИЯ

В статье проводится сравнение восточной, западной и русской моделей религиозного мировосприятия. Показаны особенности взаимоотношений духовной и светской власти. Обосновывается мысль о том, что каждая модель религиозного мировосприятия не только формирует многоаспектные стороны духовного самосознания народа, но и влияет на общественно-правовой уклад жизни. Модели религиозного мировосприятия отражают специфику становления и эволюции человеческих сообществ, указывают направления в развитии устойчивых социальных связей и ориентиры духовного бытия.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/12-2/54.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 12 (62): в 4-х ч. Ч. II. С. 198-200. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/12-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 140.8
Философские науки

В статье проводится сравнение восточной, западной и русской моделей религиозного мировосприятия. Показаны особенности взаимоотношений духовной и светской власти. Обосновывается мысль о том, что каждая модель религиозного мировосприятия не только формирует многоаспектные стороны духовного самосознания народа, но и влияет на общественно-правовой уклад жизни. Модели религиозного мировосприятия отражают специфику становления и эволюции человеческих сообществ, указывают направления в развитии устойчивых социальных связей и ориентиры духовного бытия.

Ключевые слова и фразы: религия; язычество; христианство; мировоззрение; православие; католицизм; протестантизм; конфуцианство; ислам; государство; Церковь.

Цигвинцева Галина Леонтьевна, к. филос. н., доцент
Пермский национальный исследовательский политехнический университет (филиал) в г. Чайковский
cigvinceva@yandex.ru

МОДЕЛИ РЕЛИГИОЗНОГО МИРОВОСПРИЯТИЯ КАК ФАКТОР ОБЩЕСТВЕННО-ПРАВОВОГО УКЛАДА НАРОДА И ЕГО САМОСОЗНАНИЯ©

Мечта отдельных представителей человечества об унифицированной религиозной модели, отвечающей интересам людей, всецело ориентированных на религиозный синкретизм и братание, и сегодня не соответствует желаниям подавляющего большинства людей, живущих на планете. Однако развивающиеся экономические, политические и культурные интеграционные процессы свидетельствуют, что, несмотря на исторический шлейф вражды и непонимания, народы вынуждены искать пути примирения ради собственного выживания. Различные модели религиозного мировосприятия не должны стать камнем преткновения на пути к взаимопониманию и конструктивному сотрудничеству.

Христианская аскеза и языческая чувственность, порожденные «браком» византийского христианства и славянского язычества, явили миру антиномичную модель восприятия мира русским человеком. Однако объективности ради мы должны констатировать, что двоеверие русского народа не является чем-то феноменальным, т.к. неразрывная связь единичного и общего порождает особую форму их сосуществования, когда единичное содержит в себе общие характеристики аналогичного класса явлений, а общее проявляет себя через единичное. Так, в Китае даосизм, буддизм и конфуцианство (троеверие) также породили своеобразную религиозную ментальность, которая привела к разделению «сфер влияния» между этими религиями: духовное самосознание народа формируют в целом конфуцианские морально-этические установки, блокирующие все сомнения относительно государственно-бюрократических установлений; даосизм отвечает за чувственно-эмоциональную составляющую мировосприятия, наделяя жителей Поднебесной невозмутимостью и социальным иммунитетом; буддизм примиряет с вопиющими фактами социальной несправедливости, невольно пропагандируя отказ от желаний ради избавления от страданий. «Конфуцианство, даосизм и буддизм, сосуществуя на протяжении многих веков, постепенно сближались между собой, причем каждая из доктрин имела своё место в складывающейся всекитайской системе религиозного синкретизма…» [2, с. 25].

Онтологическая пропасть, разделяющая христианство и язычество, в отличие от трёх небогооткровенных религий Китая, способствовала формированию внутренней дисгармонии в восприятии мира и противоречивости поступков русского человека. «Христианство и язычество разделяет духовная пропасть, сравнимая, пожалуй, с различием между идолом и иконой» [3, с. 35]. Вместе с тем тот факт, что западная и восточная модели христианства, отличающиеся друг от друга, были «прочитаны» Русью и Западом по-своему, отрицает абсолютизацию роли онтологического противостояния язычества и христианства в становлении не похожих друг на друга их общественно-правовых укладов и самосознания.

Психический склад германских племен, воспринявших западную модель христианства, вызвал к жизни самоутверждающуюся модель социального поведения в лице «фаустовского» человека, ориентированного на перманентное улучшение окружающей действительности. «Анализ, динамо-машина, социальная воля к власти, рифмованные стихи – все символы бытия людей фаустовского мира» [7, с. 259]. И сегодня потребительский пафос европейской модели существования основан на идее, передающейся от поколения к поколению: положение человека в потустороннем мире прямо пропорционально усилиям, которые он предпринял для достижения благ земных… И. А. Ильин писал: «Рим никогда не отвечал нашему духу и нашему характеру. Его самоуверенная, властная и жестокая воля всегда отталкивала русскую совесть и русское сердце» [4, с. 61]. Оптимистическая антропология православия нашла свое отражение в идее спасения и искупления грехов. Православие априори приписывало человеку благорасположение к добродетельному поведению якобы из врожденной любви к Богу. Быть может, этим объясняется тот факт, что священники не особо старались просвещать свою паству, поскольку любовь к Богу с точки зрения православия не есть что-либо учением приобретаемое. К сожалению, российская действительность не соответствовала идее духовной исключительности русского народа. С. М. Соловьёв

© Цигвинцева Г. Л., 2015

писал: «Общая пришибленность, отсутствие интересов, отсутствие поприща для деятельности – всё это угашает в человеке его человеческое достоинство, он начинает слабеть и впадает в скотское состояние» [1, с. 483]. Антропологический пессимизм западного христианства, напротив, отказавшись от идеализации человеческой природы, стал объективно основой для политико-философских теорий, в центр которых был поставлен человек, усматривающий причины своих успехов и неудач в своём разуме и воле, деятельный и критичный.

Католицизм и протестантизм направляли духовную энергию европейцев не вглубь религиозного развития духа, а «…в дело внешнего жизненного строительства, и восприятие христианства означало для западногерманских народов вступление в суровую теократическую школу морального, государственного и гражданско-правового воспитания…» [Цит. по: 6, с. 335].

Европейская модель религиозного мировосприятия, во многом явившаяся плодом острых схоластических споров, по природе своей предполагала конструктивный диалог власти и Церкви, вынужденных считаться с обществом. Западная Церковь отвоевала себе приоритетное положение в политической системе координат за счет отточенного умения ее священнослужителей доступно, доказательно и правдоподобно оперировать сложными религиозными идеями, обосновывающими государственные установления. В России же Православная Церковь в государственно-исторической сфере никогда не стремилась быть конкурентом государству и, вовлекая в сферу своего влияния массы, провозглашала царя-Батюшку, Помазанника Божьего сакральным субъектом, соединяющим религиозную веру с исторической миссией государственного строительства, а также верховной инстанцией эмпирически-общественного осуществления религиозной правды. Малопонятные богословские изыски христианства в целом не делали эту религию менее востребованной для подавляющего большинства народа, напротив, факт, что русский человек «ведет диалог» с Богом не в рационально-прагматическом, а в эмоционально-чувственном контексте, способствовал восприятию коллективных богослужений как примеров духовного прорыва к божественной правде, не нуждающейся в ухищрениях человеческого разума. Однако «иоанновский» человек, ориентированный на поиск Вселенской справедливости и правдоискательство, как показало время, оказался весьма уязвимым и неприспособленным в решении тактических задач (например, принятие эффективных законов и их скрупулезное выполнение) и в распутывании экономических и политических «лабиринтов» (например, создание дееспособных механизмов реализации проектов). Однако следует признать, что в России представители верхнего культурного слоя не оставляли незамеченными самые смелые западные идеи. Часть из них оказались для России мертворождёнными, а некоторые до сих пор испытывают на прочность российскую политическую и социально-экономическую конструкцию.

Концентрация на обрядовой стороне в отправлении религиозного культа и сакрализация власти подавляющим большинством русского народа, с одной стороны, формировали установку на исключительное доверие к власти и её правовым установлениям, а с другой стороны, порождали одновременно и критичное, и отстраненное отношение к политическим и социальным институтам. Для истинно православного человека хорош не тот, кто следует благовоспитанности и правилам житейского благополучия, не выпуская из рук молитвенник, а тот, кто делает каждодневный выбор между Добром и Злом, держа ответ перед своей совестью…

В исламе ритуально-обрядовый аспект веры не нацелен на культивирование душевной чистоты. Внешние, а не внутренние формы контроля являются приоритетными в данной модели религиозного мировосприятия. Это не может не отражаться на характере функционирования современных государств, исповедующих ислам. Мусульманин, в точности соблюдая предписанные религией законы, после смерти может быть реабилитирован Богом, так как «…человек будет судим не за то, что вышло в его жизни, а за то, исполнял или не исполнял он предписанный ему закон» [5, с. 310]. Мусульманин, согласно религиозному предписанию, избавлен от морального выбора в вопросах Добра и Зла и является лишь орудием в руках всезнающего Бога. В лице исламского экстремизма «исполнение предписанного закона» звучит как вызов, недвусмысленно эксплуатирующий идею религиозной и национальной исключительности. Вместе с тем, «волны» мигрантских потоков из мусульманских стран, стремящиеся обрести стабильность на «европейском корабле», свидетельствуют о формировании гибридной идентичности в исламской среде, приятии демократических ценностей, дающих надежду на межкультурную коммуникацию различных моделей религиозного мировосприятия в будущем.

Таким образом, различные модели религиозного мировосприятия, формируя многоаспектные стороны как общественно-политической, так и духовной жизни человеческих сообществ, не только являются одними из главных «маркеров», отражающих особенности формирования и функционирования этих сообществ, но и высвечивают тенденции в развитии социальных институтов и духовных феноменов.

Список литературы

1. **В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией**: хрестоматия по истории российской общественной мысли XIX и XX веков: учеб. для вузов / сост. Н. Г. Федоровский. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Логос, 1997. 752 с.
2. **Васильев Л. С.** История религий Востока: учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Высшая школа, 1988. 416 с.
3. **Даркевич В. П.** Христианство на Древней Руси // Наука и жизнь. 1998. № 11. С. 33-40.
4. **Ильин И. А.** Наши задачи: историческая судьба и будущее России: статьи 1948-1954 годов: в 2-х т. М.: Рарог, 1992. Т. 1. 271 с.
5. **Тихомиров Л. А.** Религиозно-философские основы истории. 3-е изд. М.: Москва, 2001. 592 с.
6. **Франк С. Л.** Религиозно-исторический смысл русской революции // Русская идея / сост. М. А. Маслин. М.: Республика, 1992. С. 326-340.
7. **Шпенглер О.** Закат Европы / авт. вступ. ст. А. П. Дубнов, авт. комментариев Ю. П. Бубенков и А. П. Дубнов. Новосибирск: Наука, 1993. 592 с.

MODELS OF RELIGIOUS WORLD PERCEPTION AS A FACTOR OF PEOPLE'S SOCIAL-LEGAL MODE OF LIFE AND SELF-CONSCIOUSNESS

Tsigvintseva Galina Leont'evna, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Perm National Research Polytechnic University (Branch) in Chaikovsky
cigvinceva@yandex.ru

The article conducts the comparison of the eastern, western and Russian models of religious world perception. The peculiarities of the interrelations of spiritual and secular authorities are shown. The idea is substantiated that each model of religious world perception not only forms the multi-aspect sides of people's spiritual self-consciousness, but also influences the social-legal mode of life. The models of religious world perception reflect the specificity of the formation and evolution of human communities, indicate directions in the development of stable social connections and the orienting points of spiritual existence.

Key words and phrases: religion; heathenism; Christianity; world outlook; Orthodoxy; Catholicism; Protestantism; Confucianism; Islam; state; Church.

УДК 7.75.03
Искусствоведение

Цель настоящей статьи – проследить на примере китайской живописи гохуа, каким образом менялась роль каллиграфической надписи в свитках жанра хуаняо (цветы и птицы), рассмотреть ее место в живописном пространстве в период от Средневековья до XIX-XX веков. Актуальность темы заключается в том, что поступательное развитие каллиграфической составляющей свитков жанра хуаняо не становилось еще предметом отдельного исследования.

Ключевые слова и фразы: искусство Китая; живопись гохуа; жанр хуаняо; каллиграфия; Ци Байши (1863-1957); Сюй Гу (1823-1896); Ли Жуйцин (1867-1920).

Чжи Лун
Санкт-Петербургский государственный академический институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина
ivkuralla@mail.ru

РОЛЬ КАЛЛИГРАФИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ В КИТАЙСКОЙ ЖИВОПИСИ ГОХУА XIX-XX ВЕКОВ©

Мы обращаемся именно к позднему периоду развития китайской живописи, когда пейзаж уже перестал быть ведущим жанром в живописи гохуа, а жанр хуаняо приобрел новое прочтение и смысл. Стремление художников к более яркому выражению своей творческой личности привело к изменению смыслового и композиционного значения каллиграфии. В живописи гохуа появляется более конкретная символика с элементами детального отображения конкретной природы. Более яркое и органичное соединение живописи, каллиграфии и поэзии характерно для свитков XIX века, который можно назвать «веком каллиграфии». В пространство живописи этого периода вводятся более обширные, чем ранее, каллиграфические надписи, которые придают произведениям особую лиричность. Вместе с тем, иероглифический комментарий, идея, образ продолжают органично сочетаться с живописью.

Безусловно, специфика настоящего исследования связана с четким представлением о разделении исторических эпох – Древность, Средневековье, Новое время. В настоящей статье автор предполагает ограничиться Новым временем (XIX-XX вв.), хотя понимает, что обращаясь к этой проблеме невозможно не затронуть Древность и Средневековье, которое длилось в Китае с VII в., поскольку именно в эти периоды закладывались корни своеобразия культуры. Условность термина «Средневековье» по отношению к восточным культурам в настоящее время не вызывает сомнения, хотя «этимологически и исторически слово "средневековье" относится к кругу сугубо европейских понятий» [7, с. 7]. Постепенно он стал универсальным, хотя и не потерял некоей условности. С понятием «Древность» по отношению к Китаю все проще, так же, как и во всех традиционных культурах, этот термин обозначает нечто особо почитаемое и непреходящее, с которым соотносятся все новшества [Там же, с. 8].

Существует еще ряд терминов, самым распространенным из которых является «классика» по отношению к искусству Востока. Этимология этого слова восходит к пониманию чего-то высокого – класса, высшего эталона. «Именно в этом смысле слово "классика" ("классический") и употребляется в общих европейских трудах по искусству восточных стран» [Там же, с. 31].

Прежде чем говорить о роли каллиграфической надписи, необходимо напомнить об основных принципах, заложенных в китайской живописи. Во-первых, речь идет об искусстве синтетического характера, которое соединяет «в себе эстетические качества каллиграфии, поэзии и даже музыки» [6, с. 4]. В. В. Малявин

© Чжи Лун, 2015